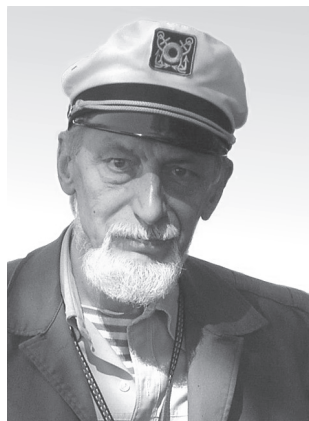

Сундучок

КОНСТАНТИН ЧЕКМАРЁВ
инженер-конструктор, яхтсмен-любитель

Родился в 1943 году в городе Свободный Хабаровского края. Прошел трудовой путь от монтажника радиоаппаратуры до Главного конструктора ЛНПО «ПОЗИТ-РОН». Имеет права судоводителя-любителя и яхтенного рулевого. Самостоятельно спроектировал и построил крейсерскую яхту. Осуществил походы по водным путям Северо-запада (Ладога — Онега до р. Вытегра).

РУССКАЯ ВАЛЮТА

Спирт — всеобщий эквивалент и двигатель экономики

Спирт, как концентрированный алкоголь, в России, а в Советской России особенно, при наличии богатейшей питейной истории и традиций, с течением времени стал неким подобием денег. На неофициальном бытовом языке его так и называли «жидкая валюта» за неимением любой другой. В служебном и бытовом общении, имея спирт, все дела можно было решить проще, быстрее и гораздо дешевле, в конечном счёте, чем за официальные деньги — рубли. Вся проблема состояла лишь в том, чтобы иметь всегда под рукой необходимое количество спирта соответствующего качества.

Производство спирта в СССР было поставлено на серьёзную промышленную основу.

Почти в каждом сколько-нибудь крупном городе был свой спирто-завод. Большую часть продукции этих заводов и заводиков направляли

прямым ходом на соседствующие с ними ликеро-водочные предприятия, где она превращалась в столь любимые населением алкогольные напитки, бутылки с которыми заполняли полупустые полки магазинов и других торговых точек.

Для отдалённых районов Сибири и Дальнего Востока заводы южных областей выпускали и поставляли просто разлитый по бутылкам пищевой спирт безо всякой переработки в алкогольные

напитки. В этом была прямая выгода, в том числе и на транспортных расходах. Во-первых, в этих суровых краях население, и не только мужское, было крепче здоровьем и было в состоянии употреблять чистый спирт, не разбавляя. А во-вторых, гражданам предоставлялась возможность самим, проявляя фантазию, перерабатывать спирт в алкогольные напитки в соответствии со своими привычками и традициями, а также наличием местного сырья, в изобилии произрастававшего в этих богатых краях. В каждом посёлке, деревне, семье производились свои, присущие данной местности всевозможные настойки и наливки на культурных и дикорастущих плодах, ягодах и травах.

Товар был ходовым и в силу упомянутых выше традиций на полках не залеживался. Продажа его, пополняя в значительной степени государственную казну, являлась существенным источником стабильности экономики.

Получив положенную ему зарплату, рабочий, да хоть и того же ликеро-водочного предприятия или спиртозавода, нёс значительную её часть в магазин и обменивал на произведённую им же самим продукцию. Затем употреблял её внутрь и работал до следующей получки.

Это я так, для примера. На самом деле работники спиртозаводов, конечно же, утоляли свою «жажду», не отходя далеко от рабочего места и бесплатно. Именно по этой причине на таких предприятиях почти никогда не испытывали дефицита кадров. Хотя «текучесть» этих самых кадров была ощутимая. Вредное производство, ничего не поделать!

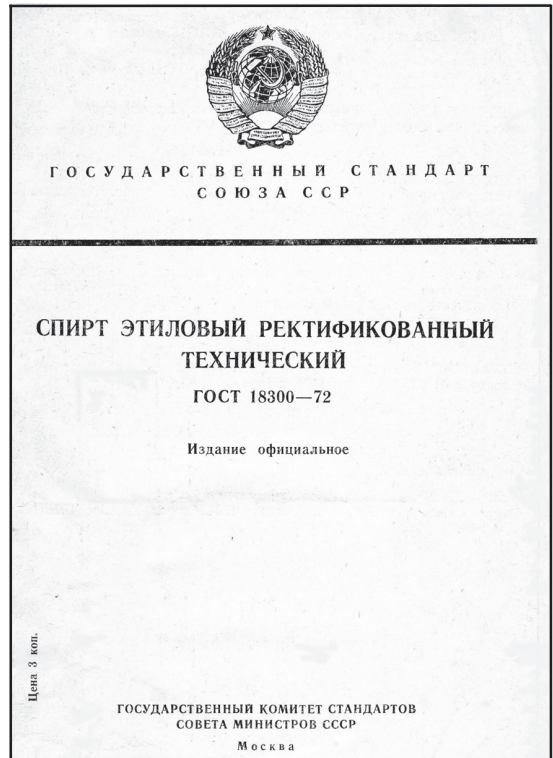
Если по какой-то причине происходило нарушение этой закономерной последовательности, допустим, в этом месяце, как назло, не было общенародных праздников, то налаженный конвейер давал сбой и даже в небольших городах задерживалась выплата зарплат. Причём не только на этом предприятии, но и зачастую во всех городских кассах и окошечках, где выдавалось жалованье. Это очень нервировало и не только любителей спиртосодержащих жидкостей, но и остальное население, а также членов семей этих любителей. Так что поддержание кругооборота спирта в госу-

дарстве было одной из важнейших задач партийного руководства страны. Оно очень строго спрашивало с руководителей, поставленных в узловых точках этих конвейеров, за сбой в работе. Пожалуй, именно по этой причине годовой календарь в нашей стране изобилует равномерно распределёнными профессиональными и иными, более значимыми праздниками». Большой вклад сюда вносил и еженедельный выходной — воскресенье, к которому даже особым решением того же партийного руководства КПСС был великодушно присоединён ещё один — суббота. Население, встретившее этот «подарок» с огромным энтузиазмом и воодушевлением, в ответ на заботу резко увеличило скорость спиртового конвейера.

Но то была, так сказать, видимая сторона процесса. Была и другая, не менее значимая для экономики страны, скрытая от посторонних глаз параллельная сторона. Суть её состояла в следующем. Значительная, если даже не большая, часть производимого в стране чистого неразбавленного спирта-ректификата не перерабатывалась в алкогольные напитки, а поступала в разные города и посёлки, на фабрики и заводы, научные институты и лаборатории, воинские части и корабли флота, ну и, конечно же, в медицинские учреждения.

Конечно, часть этой полноводной (правильнее сказать, полноспиртной) реки использовалась в соответствии с её назначением: в науке, технике и технологии как универсальный растворитель и антисептик. От простого смазывания ягодицы больного перед уколом до очистки ответственных деталей космических аппаратов, боевых ракет и деталей электроники (промывание контактов). Нельзя сказать, что в многогранной человеческой деятельности не существовало других альтернативных жидкостей, которые можно было бы применить для большинства этих целей. Но, по «странному» стечению обстоятельств, учёные, инженеры-разработчики, технологи и врачи предпочитали почти во всех необходимых случаях применение именно этой жидкости — спирта (далее я попробую пролить свет на секрет этого предпочтения).

Потребность экономики нашей страны в спирте с каждым годом только увеличивалась. Спиртовая промышленность находилась в состоя-

нии постоянного подъёма и наращивания объёмов производства. Ввиду несложности технологического процесса получения спирта (его в любой российской деревне знала каждая бабка, о просвещённых жителях городов я уже и не говорю) ограничивающим фактором наращивания его производства было сырьё. Как говорил незабвенный литературный герой Остап Бендер: «Даже из обыкновенной табуретки можно гнать самогон. Некоторые любят табуретовку». Но, несмотря на это, проблемы были. Главным сырьём для спиртовой промышленности были в южных областях — свёкла, в северных — картофель и повсеместно — пшеничное зерно. Все перечисленные сельскохозяйственные продукты, увы, являлись при социализме дефицитом. Этих продуктов постоянно не хватало для питания населения страны. Отчаянные усилия министерства сельского хозяйства улучшить положение с продовольствием приносили весьма скромные результаты. Химическая промышленность напрягала своих учёных на поиск всё новых и новых источников сырья для производства спирта. Успехи в этой области были налицо, всевозможных разновидностей этилового спирта было очень много. Но увы! Не все они считались приемлемыми для употребления в дело. Виды и сорта продукта, полученные путём химического синтеза из недефицитных исходных компонентов, промышленность и другие потребители «почему-то», опять же, не жаловали. При выполнении различных работ настойчиво требовали не какого-нибудь, а именно пищевого (питьевого) спирта. Во все технические условия на производимую продукцию инженеры-разработчики и технологи обязательно включали, где это требовалось, спирт только высшей очистки. Последние годы советской власти этот продукт именовался спиртом с Государственным знаком качества!!!

Они, эти специалисты, разбуди их хоть ночью, без запинки могли прочесть целую лекцию, привести массу убедительных научных доводов для применения в их технологии такого и только такого, высшего сорта спирта.

В отличие от многих весьма строгих технологических правил и процессов, соблюдение которых на бумаге было обязательным, а на практике довольно часто игнорировалось, все, что касалось применения спирта, соблюдалось неукоснительно. Начиная с ежегодной заявочной кампании, когда год от года количество запрашиваемого спирта только росло, и кончая применением, когда любая, даже не очень ответственная, деталь тщательно (по ТУ или технологической инструкции) должна была быть протёрта, промыта, выкупана в сверхчистом ректификате и не по одному разу за цикл изготовления. Сколько именно израсходовано спирта на ту или иную операцию, можно было узнать, только подсчитав остатки на складе.

Реки спирта текли по нашей стране, напоминая сложную кровеносную систему. Уследить, куда течёт тот или иной ручеёк, не было никакой возможности. То есть попытки как-то упорядочить эти потоки предпринимались неоднократно, но неизменно почти с нулевым результатом. Наши российские работники чрезвычайно изощрены умом и изобретательны, особенно когда речь идёт об экономии жидкости, у которой, на их взгляд, есть другое, более достойное применение, нежели то, что упомянуто в

технологической карте. Порождённая неуёмной фантазией работника, рационализация по этой части поистине не имеет аналогов во всём остальном мире. К откровенному хищению спирта прибегали ну уж совсем обиженные на голову или ленивые и безвольные граждане. Вот они-то и попадали под железную метлу государственного и партийного контроля. И поделом! Ведь с раннего детства все должны были помнить завет Вождя: «Учиться, учиться и ещё раз учиться!!!»

Так вот, экономия состоялась.

Сэкономленный драгоценный продукт исчезал из учётных ведомостей и начинал своё самостоятельное, невидимое постороннему взгляду, как теперь говорят, «виртуальное» движение.

Что же дальше?

А дальше начиналось самое интересное.

Наиболее простым, доступным и безопасным способом использования спирта было употребление его внутрь сразу. Не сходя с рабочего места. Хлоп! И желаемый эффект достигнут. Важно только, чтобы при этом окружающие, а особенно руководство или, как его принято называть в рабочей среде, — начальство, не догадалось о причинах приподнятого настроения у работника и неожиданного появления брака во время выполнения таких операций, при которых о нем и не знали, и не слышали.

Но к этому приёму прибегали в основном те, для кого спирт сам по себе являлся и целью, и способом достижения временного ощущения счастья. Не могу сказать, что таких было меньшинство, скорее наоборот, именно они, вернее, их желудки и являлись тем океаном, в который впадали спиртовые реки. Но всё же, как правило, не такой простой и короткий путь проделывал сэкономленный спирт, прежде чем начать своё финальное разрушительное движение по желудочно-кишечному, а затем по кровеносному руслу конкретного употребляющего.

Как правило, в круговороте спирта, от собственно экономии его в ходе техпроцесса и до его употребления внутрь, всегда существовал некий, почти обязательный этап, назовём его «предварительным накоплением». Это было необходимо для того, чтобы собрать в заветном сосуде такое количество спирта, которое нужно для осуществления задуманного полезного дела, будь то оплата непредусмотренных сверхурочных работ по выполнению плана производства, посылка группы сотрудников на не оговоренные трудовым договором работы в колхоз, овощную базу или организация корпоративной вечеринки по случаю какого-либо праздника или торжественной даты.

Особенность российского менталитета состояла и состоит в том, что желание получить удовольствие от выпитого в одиночку с древних времён осуждалось обществом, а выпивка в коллективе (хотя бы из трех участников) приветствовалась большинством.

Ну, во всяком случае, не осуждалась, а встречала понимание. Более того, избегающий таких коллективных мероприятий определённо выпадал из сообщества и рисковал быть изгнанным из него совсем. Только сложное заболевание служило оправдательным мотивом для отказа от участия

и воспринималось с сочувствием. Что характерно, необходимость сесть за руль автомобиля после мероприятия не всегда служила смягчающим «вину» фактором (но это было ещё тогда, когда автомобилей на наших улицах было совсем мало и инспектора не очень «зверствовали», снисходительно относясь к «перегруженным» водителям). Сотрудник, не участвующий в коллективных мероприятиях с выпивкой по принципиальным соображениям, рассматривался окружающими как потенциальный враг (с подозрением на стукачество), со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Каждый уважающий себя руководитель, озабоченный многочисленными проблемами текущего производства, науки, службы, всегда имел в запашке некоторое количество неучтённого (сэкономленного) спирта для всяких непредвиденных ситуаций. Порой только с помощью этой универсальной «валюты» можно было решить кажущийся нерешаемым вопрос. А таких проблем жизнь в условиях социализма создавала премногое количество. Бегло перечислю только некоторые из них, заранее понимая, что полный перечень постоянно возникающих проблем и вопросов не поддается завершению и вряд ли когда-нибудь будет составлен.

В плановом хозяйстве СССР, где всё расписывалось на год и даже на пятилетку вперёд, а планы носили в основном волюнтаристский характер, очень трудно было предугадать заранее, в каком месте и в силу каких причин наступит сбой. Иногда, и чаще всего, причинами сбоев были некомпетентность, лень и разгильдяйство конкретных исполнителей. Но довольно часто источником всяческих проблем являлось само руководство страны, на самом верхнем его уровне. Ну захотелось ЦК КПСС, в лице его престарелого Политбюро, чтобы труженики страны в порыве энтузиазма закончили пятилетку досрочно, да не на неделю или месяц, а прямо на год, а то и на два!!! Экий козырь получился бы в их постоянной борьбе на международном политическом фронте! То, что решило Политбюро, сразу становилось законом для всей страны.

И начиналась невероятная чехарда.

Для выполнения задания партии мало было энтузиазма тружеников. Нужны были для этого материальные ресурсы: оборудование, станки, материалы и сырьё и многое другое. А где это всё взять? Пароксизмов административного и трудового энтузиазма Госплан не предусматривал. Всё заранее по планам расписано на годы вперёд. По этим, напряженным и без того, планам всё, что надо для работы, получить не всегда удавалось. А досрочно!!?

Руководители хватались за голову, ведь они являлись почти сплошь членами КПСС, а значит, выполнение (пожеланий) указаний Политбюро для них — священная обязанность. Не исполнишь — лишишься партбилета, а это для ИТР и тем более руководителя в СССР было равносильно смерти (иногда даже в самом прямом смысле). Как выполнить досрочно то, для чего и по заранее составленному и утверждённому в верхах плану не хватало ресурсов, ни людских, ни материальных? Приходилось изыскивать внутренние резервы. Искать не предусмотренные законом обходные пути.

Одним из главных, если не основным резервом являлся сэкономленный и неучтённый спирт, хранящийся в бутылках, банках и бидонах, надёжно спрятанных в недрах начальственных сейфов.

Сейф любого сколько-нибудь важного руководителя (обычно громоздкий напольный металлический шкаф, чем он больше и солиднее, тем важнее его владелец) состоял из двух отделений: верхнего, где хранились важные (а порой и секретные) бумаги и деньги, и нижнего, где и скрывался от постороннего глаза резервный запас драгоценной жидкости — «всеобщего эквивалента».

Хранение пусть даже за стальными дверками сейфа большого количества вождённой влаги само по себе дело далеко не простое. Мысль о том, что где-то совсем рядом, в кабинете начальника, сосредоточено немало драгоценной «жидкой валюты» многим гражданам работникам не давала покоя. С этим приходилось считаться. Начальник должен был быть постоянно бдительным и никому не доверять ключи от заветного нижнего отделения сейфа. Ключи от верхнего мог иметь, например, заместитель, и это не страшно. Но ниже!!!

Это как подвал хорошего банка!

Правда, иногда и это не помогало. Я уже констатировал, что наш российский народ в массе своей весьма изощрён и изобретателен. Он не раз подтверждал эту высокую характеристику в самых различных ситуациях, особенно связанных со спиртом.

Всего лишь один пример.

У нашего начальника отдела в кабинете почётное место занимал большой, если не сказать огромный, старинной работы сейф. Этот стальной массивный параллелепипед, по преданию, установили в комнату на третьем этаже краном, через разобранное окно, так как поднять его другими способами не представлялось возможным. Как и положено сейфу большого начальника, он имел два отделения. Содержимое нижнего отделения ни для кого из нас, низовых руководителей не было секретом. Мы не раз получали оттуда необходимое то или иное, количество спирта для текущих работ и непредвиденных трат. Сейф был надёжный, сотрудники проверенные и честные, посторонние в кабинет не ходили, так как сами наши работы, по определению, носили таинственный и закрытый для непосвящённых характер. Короче — надёжность сохранности, казалось бы, полная.

Увы! Это оказалось не так.

Когда, наконец, было решено провести в кабинете начальника косметический ремонт с целью приведения интерьера в вид, подобающий начальнику большого подразделения, а оно к тому времени стало называться НПК (для не знающих — научно-производственный комплекс), старую мебель вынесли и рассредоточили по комнатам отдела. С помощью приглашенного дизайнера спроектировали новый интерьер. Сейф по новому плану должен был скрыться за сплошной стенкой полок и шкафов по эстетической моде того времени. А пока он был оставлен в комнате и стоял посредине, чтобы не мешать работе.

Электрики заменили проводку, водопроводчики сменили батареи и установили умывальную раковину, штукатуры и маляры отделали и покрасили в правильный цвет стены и потолок, а мебельщики установили в нужных местах встроенную мебель.

Сейф занял своё место и благополучно скрылся за облицовкой стенки. Привезли и расставили по проекту мебельный гарнитур начальника. Кабинет приобрёл задуманный и соответствующий статусу начальника шикарный вид. Начальник был счастлив как ребёнок. На радостях он пригласил всех руководителей нижнего звена на торжественную традиционную «обмывку» новоселья. Когда все приглашенные собрались, Виталий Акимович, так звали начальника, взял свой заветный (и единственный, ввиду сложности и древности) ключ и открыл нижнее отделение сейфа. Сложная и многоэтажная ненаучная фраза, которую произнёс он после длительной паузы, подтвердила самые худшие предположения собравшихся. Не буду приводить её, но смысл сводился к восхищению изобретательностью русского рабочего человека и констатацией «наличия отсутствия» всего запаса спирта. То есть вся посуда была на месте, но в ней ничего не было, так как все бутылки и бидончики лежали на дне сейфа на боку. В закромах было пусто и сухо, даже уже и не пахло спиртом. Как этот фокус был проделан и кем, никто никогда не узнал. «Обмывали» кабинет мы уже купленным в магазине коньяком. А после «обмывки», за научным разговором единодушно пришли к выводу, что спирт вытек через щели в дне сейфа в подставленную заранее плоскую посуду и собран до капли. Так что вскрывать самый сложный старинный замок не было необходимости. Достаточно было только наклонить или резко качнуть железного монстра, и он без особого шума отдал всё своё драгоценное содержимое. Естественно, проводить какое-либо расследование не стали, даже не пытались, ввиду бесперспективности этой затеи.

Вот и надейся на сейфы. Против нашего человека — ничто не устоит. Выпили мы и за безграничную смекалку русского рабочего. Все присутствовавшие на церемонии приняли этот наглядный урок к сведению. Я так запомнил на всю жизнь.

Но вернёмся к проблемам, свалившимся на голову начальника.

В критический момент руководитель, обдумав и взвесив все за и против, заперев дверь кабинета на ключ, доставал из заветных своих закромов соответствующий по размеру сложности задачи сосуд с заначкой и вызывал тех подчинённых, кому предстояло разруливать ситуацию. Уже по характеру вызова и должностям вызываемых можно было догадаться о том, какую срочную животрепещущую проблему надо будет решать.

В заводских условиях это выглядело примерно так: начальник цеха вызывает мастеров участков — будет аврал с внеурочной работой вечерами или даже в выходные. Бутыл с нужным количеством стимулирующей жидкости уже стоит на столе.

Вызывает снабженца — предстоит командировка с «выбиванием» не предусмотренными законом методами дефицитных комплектующих, материалов или фондов.

Для современных читателей поясню: фонды — это не детали, материал или оборудование, это всего лишь разрешение на их приобретение. Чтобы раздобыть что-либо при плановом социализме, мало было иметь деньги, надо было ещё иметь фонды, т.е. запланированное и распределённое заранее количество того или иного «дефицита». А дефицитом могло быть всё, что угодно, от фасонного или листового проката до станка с ЧПУ или «Волги» для начальства.).

Снабженец уходил, порою сгибаясь под тяжестью канистры и с пропуском на вынос её с территории предприятия. Что поделать? Не отливать же в проходной начальнику охраны, чтоб выпустил «несуна».

Ну а если вызывает секретаря партбюро и всех цеховых партгруппов — речь пойдёт скорее всего о внеплановом коммунистическом субботнике (бесплатной работе по призыву партии и, как правило, связанной с наведением порядка на территории завода или даже вне её (на улицах города) к приезду важных персон или грядущему празднику).

Тут простыми взываниями к рабочей совести и энтузиазму не обойдёшься. Гегемон, как называли с высоких трибун и в партийной литературе рабочий класс, даже с партбилетом в нагрудном кармане спецовки очень неохотно отзывался на призывы своей же родной партии. Без стимула в виде обещания налить хоть по 100–150 грамм по окончании работ он и ухом не поведёт. Давить нельзя! А то гляди, выложит ваш билет и пошлёт всех подальше. Тут и сам Карл Маркс подтвердит, что терять ему нечего, кроме своих цепей, ну или партбилета. Для вовлечённого путём настойчивой агитационной работы в ряды КПСС рабочего это не такая уж потеря. Он-то не пострадает. Даже если уволится, то работу найдёт, может быть, даже лучше: квалификация высокая и у каждой проходной стенд «Требуется» с большим списком рабочих профессий. А вот начальству, и заводскому и партийному, ой как не поздоровится!!! Песочить будут всех за неуважение к представителю правящего класса, за слабую воспитательную работу...

Да и план потом выполнять будет не с кем.

Придётся наливать тем, кто придёт на субботник, но потихоньку и без особой рекламы. Рабочий энтузиазм — дело тонкое и требует особого подхода. Об этом и идёт разговор-инструктаж за закрытыми дверями начальника кабинета. При этом иногда даже приходится наливать самому партактиву (для пробы качества стимулятора и просто для поднятия партийного духа). Актив ведь тоже свои рабочие люди, ничто человеческое им не чуждо.

Сосуды со спиртом после такого инструктажа выносили из кабинета в мелкой расфасовке, рассовав по карманам, чтобы до поры до времени не возбуждать рабочую общественность. Они и так уже догадываются о предстоящем, как-никак газеты читают и радио слушают.

Иногда, в особых случаях, в кабинет приглашался конкретный рабочий. Это тогда, когда в какой-либо услуге нуждался сам владелец кабинета. Приватный договор заключался с глазу на глаз. И все расчёты производились так же в доверительной форме. Но это только, повторяю, в совершенно

исключительных случаях, поскольку всегда была опасность, что этот рабочий, почувствовав себя «избранным», потом «сядет на голову». Чтобы избежать такой ситуации, начальники действовали через посредников в виде доверенных (и уже «повязанных» подобными манипуляциями) мастеров участков. Но расход драгоценной жидкости в этом случае был существенно больше. Что делать, за анонимность в этих деликатных вопросах тоже надо платить.

В научно-исследовательских, проектных и других учреждениях дело обстояло несколько иначе.

Поскольку основную массу работников составляли ИТР, пристрастие к использованию спирта по прямому назначению не одобрялось и практиковалось в значительно меньшей степени. Спирта, как правило, применялось в рабочих процессах значительно больше и, казалось бы, пей, сколько захочешь (или сколько сможешь), но последствия от неумеренного употребления выявлялись значительно быстрее. Работа головой, а не руками, как на заводе, подразумевала трезвую голову. А наказание за выявленное злоупотребление бывало не в пример жестче, чем на заводе. ИТР, пристрастившийся к возлияниям, деградировал быстрее и жалости к себе со стороны коллег, а тем более со стороны общественных организаций и партийных структур не встречал. Спивались до увольнения, как правило, непризнанные «гении» и слабые в физическом отношении, но интеллектуально тонкие учёные и инженеры. Они глубже чувствовали абсурдность социалистического бытия и искали утешение и расслабление в алкоголе. Основной же состав ИТР, прошедшие огни и воды студенчества, умели управлять своими желаниями, дорожили рабочим местом и возможностью заниматься творческим трудом. У проходных НИИ и КБ на стендах «Требуются» очень редко можно было увидеть инженерные специальности. Туда устраивались «по знакомству» или по распределению. А уж в КПСС, партию рабочих и крестьян, работников умственного труда принимали вообще по особой процедуре и в соотношении 1:3 к «гегемонам». Только наличие партбилета повышало для ИТР возможность карьерного роста и роста, пусть небольшого, но роста благосостояния. Вот и подумаешь не раз, прежде чем пойдёшь на поводу своих порочных желаний. Ведь лишит партбилета могли и за более безобидные проступки, чем тривиальное пьянство на работе. Изгнанный «из рядов» лишался всего, чего достиг невероятными усилиями. Стоило десять раз подумать.

Но и здесь, в этих интеллектуальных оазисах, жизнь была ключом. «Итээры» — тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Только способы разнообразить свою жизнь они выбирали более цивилизованные.

В инженерных и научных кругах весьма были распространены туризм, альпинизм, яхтенный и технически сложные виды спорта. Среди ИТР было больше владельцев автомобилей и дачных садово-огородных участков. Зимой в большом почёте был горнолыжный спорт и лыжные походы. Все эти виды времяпрепровождения не очень согласовывались со злоупотреблением алкоголя, скорее противоречили ему. Но эти занятия требовали технического оснащения, а вот тут и появлялась необходимость изго-

товления всяческих полезных вещей, которых в магазине днём с огнём не сыщешь. Инженер может придумать и изобразить на бумаге то, чего ещё не выпускает промышленность, но самостоятельно изготовить эту новинку дано далеко не каждому. Дело не только в неумелых руках (руки у наших инженеров и техников порой просто золотые) — нет нужного материала, инструмента, оснастки. Волей-неволей приходилось обращаться к знакомым рабочим или искать таковых. Но даже по знакомству изготовить что-либо бесплатно (или за приемлемые деньги) редко удавалось. Вот тут-то и возникала потребность в «жидкой валюте».

Денег рабочий почти принципиально не брал. Да и что взять с этих нищих учёных и инженеров? Зарплаты ИТР в нашей стране были существенно ниже рабочих. Я сознательно опускаю ИТР — руководителей выше среднего ранга. У этих и желания, и возможности их осуществления были уже иными. Речь идёт об основной массе интеллектуальных работников НИИ и КБ. К тому же рабочий мог подрабатывать, а инженеру побочный заработок был запрещён законом. Многие по этой причине во время очередного отпуска нанимались на нелегальную «халтуру» и вербовались на север и другие глухие уголки страны на строительные работы. Только таким образом инженер мог заработать денег на кооператив, на материалы для строительства дачного домика и, наконец, для приобретения подержанного автомобиля. Новые автомобили продавались по специальному распределению и в первую очередь рабочим или ИТР из рядов комсостава.

Приобретая выдавший виды автомобиль, инженер был обречён идти на поклон к рабочему. Без спирта этот поход будет непродуктивным.

Надо экономить, доставать и накапливать.

Вот я исподволь подошел к той причине, по которой инженеры, разработчики, техники, учёные и другие специалисты включают в разрабатываемые ими технологии применение этилового спирта высшей очистки с Государственным знаком качества. Иначе где же ты будешь доставать и на чём «экономить»?

Спроси этих грамотных в технике людей, разбудив среди ночи, почему именно высшей очистки? Почему в таком количестве?

Ответ будет без промедления: «А как же! Контакты (платы, приборы, индикаторы, колбы ...) нельзя промывать абы чем! Может случиться отказ всего устройства (реле, передатчика, синхрофазотрона, самолёта, космического корабля ...)!!!»

Всё! Возражать тут нечего.

Подписывай заявку, ведомость, накладную... Ты же не хочешь, чтобы всё это — (см. выше) — поломалось, сгорело, взорвалось ...

Наливай, короче!!! Не тяни время! Наука, техника, производство, стартовый комплекс... Они ждать не будут!

Буль, буль, буль...

Ну, вот и порядок. Вот уже и есть, что экономить и что накапливать.

Глядишь, через месяц-другой можно будет расплатиться с рабочим за титановые скальные крючья для летнего восхождения, за новые нержавеющие лезвия для ледобура, за титановую лопату для тещи на дачу и за доски

для этой самой дачи и, конечно же, за сварочные работы и комплект задних фонарей для любимого, но старого «Москвича»...

Да мало ли ещё полезного можно сотворить, имея в запасе всеобщий эквивалент — «жидкую валюту».

В электронной промышленности, на благо которой я проработал почти всю свою трудовую жизнь, при выполнении неплановых работ для своих же сотрудников или негосударственных заказчиков со стороны существовала весьма своеобразная и специфическая система-шкала оценки стоимости предстоящей или оплаты уже выполненной «левой» работы.

Например, в объединении «СВЕТЛАНА» нашего министерства, бытовал такой подход. Ввиду того, что основной продукцией, выпускаемой предприятием, были всевозможные радио- и сигнальные лампы, то в качестве сосудов для различных жидкостей использовались тонкостенные заготовки стеклянных баллонов этих ламп. Ламп завод выпускал огромное количество как по разновидностям, форме и размеру, так и по тиражу. Баллоны изготавливались (выдувались) не на одном участке этого гиганта электроники. По территории предприятия «расползалось» невероятно большое количество баллонов и баллончиков всех типов и размеров. Баллон лампы — это довольно удобный резервуар для использования в быту. Он тонкий, лёгкий и прозрачный. Всегда можно было поддерживать и проконтролировать его чистоту и количество налитой в него жидкости. Вот эти-то баллоны стали мерной посудой для расчётов между работником и заказчиком. Для простоты и в какой-то мере конспирации в разговорной речи обычные в других местах меры объема и веса даже были здесь (на «Светлане») заменены на условные единицы. От размера и формы баллона, в который наливалась «жидкая валюта», зависело её количество. Маленькая тонкость состояла в том, что баллоны шарообразной или близкой к таковой формы зрительно воспринимались гораздо меньшими. Имея дело с неподготовленным партнёром, на этой разнице между визуальным восприятием и истинной вместимостью баллона можно было сыграть в свою пользу. Некоторые недобросовестные граждане жульничали на этом.

При обсуждении стоимости предстоящей или выполненной уже работы между заказчиком и исполнителем происходил диалог, постороннему человеку непонятный.

«Эту работу я уж, пожалуй, для тебя по знакомству сделаю за «6П9».

А вот эти детальки обойдутся тебе никак не меньше «ГУ50»! Причём чистейшего, со знаком качества. «Сучок» какой попало не беру. Я не сварщик какой-нибудь. Это им всё равно, что принимать на грудь. Мне моё здоровье дороже. Приходи послезавтра и не забудь — «ГУ50» и ни граммом меньше!!!»

Для непосвящённых — поясняю:

6П9 — баллончик радиолампы с таким названием; объём его на 50 г. (до краёв получалось 75 г.)

ГУ50 — баллон побольше, уже на 150—175 г.

«Сучок» — прижившееся в рабочей среде название гидролизного (из опилок) спирта.

Хим. состав — тот же C_2H_5OH , но вкус его резче, запах сильный, и от него можно с непривычки или от перебора ослепнуть. Но были и такие «употребители», что им это всё нипочём.

Ну и для совсем уже молодых читателей, поясняя, что выражение «принять на грудь» означает выпить. Пошло это, я так полагаю, от выражения штангистов. На грудь взял штангу, а дальше сама пойдёт. Иными словами, если можешь поднять стакан до груди, значит ещё можно продолжать выпивку.

Вот такие разговорчики, такие нравы, такие традиции.

На другом флагмане МЭП — «ПОЗИТРОНЕ», где я долго работал, существовала своя условная «шкала». В основу её была положена ёмкость выпускавшихся на предприятии электролитических конденсаторов. Блестящие алюминиевые стаканчики, служившие корпусом для этих изделий, идеально подходили для такой цели. Ёмкость — основной показатель конденсатора — напрямую зависел от размера стаканчика. Их было несчётное количество по типоразмерам — от 50 мл до 1000 мл. Конечно, в разговорах, подобных вышеприведённому, фигурировал совсем уже «радиотехнический» условный язык.

К примеру, 20 микрофард — 50 г, 100 микрофард — 125 г и, наконец, 1 фарада — это уже литр!!! Не забудем, что речь идёт о 96% спирте!

Были и подобные сложнее работы, особенно по ремонтно-автомобильной части, что требовали и такой слоновьей дозы. Но это всё, так сказать, личные и частные проблемы работников, отягощённых высшим образованием.

У всех руководителей и начальников постоянно существовали и постоянно возникали те же, не решаемые обычным путём, вопросы, что у их коллег на производстве.

— Как вывести максимально возможное количество народа на коммунистический субботник или демонстрацию по случаю празднования 7-го ноября?

— Чем стимулировать инженеров и техников, направляемых, против их воли, бесчисленными толпами на осенние поля и в продуваемые сквозняками бараки овощных баз?

— Как облегчить жизнь и быт инженеров и техников, посылаемых в многочисленные и длительные командировки?

— Как изготовить сверхплановые макеты и приборы по взятым из-под палки соцобязательствам?

— Опять же, как, минуя плановые рогатки, раздобыть материалы, комплектующие изделия, приборы и всё прочее необходимое для научной и исследовательской работы, особенно сверхплановой???

Вопросы, вопросы, вопросы...

От этих бесчисленных вопросов пухли и болели головы начальников.

И здесь опять приходил на помощь «всеобщий эквивалент» — пищевой спирт!

Примеры удачного разрешения этих и других проблем опытными руководителями я наблюдал (и принимал в них участие) лично.

Рассказы о некоторых из этих событий позволю себе изложить.

Денатурат

Впервые, я услышал это новое для меня тогда слово от бабушки Евдокии Васильевны, маминой мамы, в городе Свободный в 1948 году.

К. Чекарчев в детстве

Перед отъездом на гастроли мама привезла меня к бабушке на лето. Гастроли предстояли длительные, с проживанием в вагоне или в мало-приспособленных случайных помещениях типа сельских клубов и воинских частей. С питанием было вообще непонятно. Накормит артистов принимающая сторона или нет, всегда было под вопросом. А у бабушки был огород. И хотя жила она очень бедно (пенсия всего 23 рубля), но летом огород позволял прокормиться и запастись немного продуктов на зиму. Бабушка и моя тётя — мамина младшая сестра Вера, ещё школьница, жили в угловой комнатке около 12 кв. метров большого деревянного одноэтажного дома.

Фасадная сторона дома, выходившая на улицу, была отгорожена от неё рядом огромных тополей. Толстые стволы деревьев сплошь были покрыты шевелящимся ковром мохнатых гусениц. А за густыми кронами тополей дома почти

не было видно. Два окна нашей комнаты выходили во двор. Под окнами земля была покрыта мелкой пахучей ромашкой. На этой травке я и играл в течение дня. Здесь я был всё время на виду. Отсюда хорошо просматривалась калитка в огород, где почти весь день трудилась бабушка. Через открытое окно можно было сразу попасть в нашу комнату, минуя тёмные сени и общую прихожую, которые очень не любил и даже побаивался. Там всегда плохо пахло и царил полумрак. Часть комнаты занимала круглая печка, а на свободной площади ютились мы втроём. Я тогда был ещё маленьким и довольно щуплым мальчиком, а потому места много не занимал. Вечером меня укладывали спать на трёх досках, положенных на две табуретки. «Кровать» моя на день разбиралась и освобождала место для прохода. А табуретки служили мебелью. Вера спала на небольшой кровати, а бабушка — на сундуке. Кроме этого, в комнате стоял колченогий стол у окна и ножная швейная машинка «Зингер». Вот и вся обстановка.

Понятно, что все собирались в комнату только перед сном или в непогоду.

В тот год домой на короткую побывку приезжал дядя Миша. Он служил моряком на Тихоокеанском флоте и мне сразу очень понравился. Красивый, кудрявый, в матросской форме, он был очень весёлым и много

рассказывал мне о море. А ещё он умел фотографировать, так как у него был настоящий фотоаппарат с гармошкой. Снимал он всех на огороде, там на солнце было светлее, а потом вечером мы, закрыв ставни и завесив окна, проявляли в темноте стеклянные пластинки. Фотографии получались маленькие, но всех можно было узнать: и Веру, и бабушку, и меня. Само это занятие мне было очень интересно, особенно когда в темноте в пахучем и мылом на ощупь растворе на бумаге возникали наши лица. Это было как чудо. И дядя Миша был сказочным фокусником. После этого мы все укладывались спать на полу, так как иначе всем не хватило бы места. Дядя Миша побыл недолго и скоро уехал опять на службу. Так я и запомнил его на всю жизнь, улыбчивым и молодцеватым, в форме военного моряка. Некоторые фотографии сохранились и напоминают о нашей встрече в Свободном.

Ещё к нам иногда заходил мой старший дядя Георгий. Он жил отдельно в городе и работал связистом на железной дороге. Форма у него была строгая: чёрная, с погонами. И сам дядя Гоша был высокий и статный, но почему-то всегда суровый. Наверное, потому что он уже побывал на войне, был ранен и многое испытал. Про войну он мне ничего не рассказывал, а больше спрашивал, кем бы я хотел быть. Я говорил, что хочу быть моряком. Тогда он улыбался и говорил, что моряк у нас уже есть и что лучше надо учиться на инженера. Кто такой инженер, я ещё тогда не понимал, но чувствовал, что это очень важный и учёный человек. Всё равно мне хотелось быть моряком, но обижать дядю Гошу не хотел и обещал, что непременно буду учиться в школе. До школы мне было ещё далеко, целых три года, но я уже листал Верины учебники. Мне было очень интересно разглядывать в них картинки. Особенно мне нравились учебники по истории древнего мира, ботанике и зоологии.

В них было много картинок. Читать я ещё не умел. Только знал отдельные буквы и мог складывать слова. «Ра-бы в руд-ни-ках древ-не-го Рима» — и маленькие чёрные человечки, в разных позах изображенные на старинном кувшине с длинным горлышком.

Других книжек с картинками в доме не было. Бабушка с Верой жили очень бедно и книжек не покупали. Вера иногда приносила от подружек толстые книжки и читала, сидя на завалинке или вечером при керосиновой лампе. Бабушка сердилась, что она много жжёт керосина. Я просил почитать мне вслух, но Вера отказывалась. «Они про любовь, это тебе неинтересно, ты ещё мал и ничего не понимаешь», — говорила она в ответ. И действительно, книжки были совсем неинтересные, вовсе без картинок.

Погода в то лето стояла хорошая, и поэтому всё светлое время мы проводили на улице, в основном на огороде. Огород, хоть и небольшой, всего несколько грядок вдоль забора, но внимания требовал немало. Прополка и поливка отнимали много времени и сил. Так что чаще всего я видел бабушкину спину между грядок. Работала она не покладая рук. Тётя Вера, Веруся, как я её называл, была уже большая девочка, старшеклассница, помогала матери, как могла. Но часто убегала куда-то с подружками и если бывала дома, то когда делала уроки.

Я в меру сил пытался помогать бабушке, но не всегда по делу. Не разбираясь в густой ботве, я мог «прополоть» и полезное растение. И ещё всегда был соблазн съесть недоросшую морковку, капустный лист, зелёный ещё помидор или маленький огурчик. От такой еды, кроме убытка, никакой пользы. Да ещё мог заболеть живот. Короче, в огород мне, как шkodливой козе, дорога была заказана. Помощь моя сводилась в основном к совместным с бабушкой походам за водой для полива. Бабушка с большим ведром, а я с маленьким ведёрочком шли к большой, заросшей высокой осокой и водорослями яме с водой, расположенной у дороги в ста метрах от дома, на другой стороне улицы. Выйдя на шаткий мосточек и раздвинув водоросли, бабушка большой старой поварёшкой наполняла зеленоватой болотной водой сначала своё ведро, а потом моё ведёрко. Заходить на ненадёжный мосток мне было запрещено. Плавать я тогда ещё совсем не умел. Сидя на корточках у берега, я с интересом наблюдал жизнь разнообразных водяных обитателей. Кого там только не было: разного размера пиявки, жуки-плавунцы, водяные скорпионы, личинки комаров, стрекоз и других насекомых. Как зачарованный, я мог бесконечно смотреть происходящее под водой.

Тем временем бабушка выходила с ведрами на берег и уже звала меня в обратную дорогу. Таких походов за день набиралось больше десяти. Лето было сухое и жаркое. Так что я, без особого сожаления о недосмотренном в воде, отправлялся к нашему огороду.

Бабушка брала меня за руку, а в другой руке несла тяжелое ведро с болотной водой. Её сухая, жилистая и морщинистая рука, с крупными, раздувшимися синими венами, крепко держала мою ладошку и слегка подрагивала от напряжения. Я семенял за бабушкой, стараясь не расплескать по дороге драгоценную влагу из своего ведёрочка. С каждым походом оно становилось всё тяжелее и тяжелее. По дороге мы часто останавливались, меняли руки и отдыхали. Жаркое солнце грело нещадно. Хотелось пить. По лицу бабушки катились крупные капли пота. Она посматривала на меня сквозь толстые линзы своих очков, как бы спрашивая: «Ну что, Костя? Пойдёшь ещё? Или, может быть, останешься во дворе, в тени дома?».

Я упорно не соглашался на такой соблазн, видя, как тяжело бабушке. И потом, меня ждал короткий отдых у воды. Мне было интересно, что там произошло за время нашего отсутствия.

Пока я сидел на травке в тени дома под окном нашей комнаты, бабушка поливала грядки. Больше всего требовала полива капуста, которая, наряду с картошкой, была основной нашей пищей. Но картошки на огороде было мало. Она была посажена здесь только для быстрого употребления. Этот сорт у бабушки так и назывался — скороспелка.

Основные посадки картошки были сделаны ещё до моего приезда далеко за городом. Там были выделены участки для горожан. Раза два-три мы с бабушкой ходили на эти поля окупивать и пропалывать картошку.

Это были далёкие и трудные для меня походы. Собирались с раннего утра все трое. Брала с собой еду и воду. Бабушка брала основной инструмент — тяпку. Долго точила её ржавым напильником, а потом закутывала

лезвие тряпкой, чтобы не пораниться по дороге. Утренняя дорога была не такой утомительной. Было ещё свежо и даже прохладно. Но днём на поле было ужасно. Солнце палило. Спрятаться от него было негде: ни деревца, ни кустика. Взятую с собой питьевую воду расходовали экономно. Мне вручался огурец, который в какой-то мере заменял питьё. Окучивали картошку бабушка и Веруся, по очереди. Я ходил за ними и выдёргивал отдельные травинки. По ходу дела бабушка объясняла мне, что к чему. Она старательно присыпала комками сухой земли появившиеся снизу бока клубней. Если этого не сделать, то высунувшийся из земли бочок позеленеет и такой картофелиной можно серьёзно отравиться. Эту бабушкину науку помню с тех самых лет. К полудню, когда работа была закончена, мы устраивались на обочине дороги. Бабушка и Вера отдыхали и приводили себя в порядок, наскоро перекусывали и отправлялись домой. Пыльная, извилистая, с подъёмами и спусками, дорога до города казалась мне бесконечной. Но уже в городе, где росли деревья, мы шли по тени; здесь нам становилось немного легче.

Первой радостью этого путешествия была ближайшая городская водоразборная колонка. Около неё на деревянной скамейке делали привал. Можно было умыться и достать попить холодной воды.

Второй радостью для меня было посещение находящегося по дороге магазинчика под названием «ХЛЕБ». Бабушка доставала из своего дорожного узелка тряпочку с мелочью и покупала хлеб для всех, а мне ещё небольшую белую булочку. Булочка была мягкая и душистая, а самое главное, что и доставляло мне вторую радость, внутри булочки, как в пирожке, было запечено немножко сладкого повидла. Ради этого счастливого момента стоило терпеть все тяготы такого похода.

В конце дня уставшая после работы бабушка приносила с огорода несколько выкопанных картофелин, пучок зелени и пару огурчиков. Это и был наш ужин или обед, как хотите. Продолговатые, красноватого цвета картофелины варились прямо в кожуре на керосинке в общей прихожей, служившей кухней для всех жильцов дома.

Полуживая, мы начинали готовиться ко сну. Жесткие доски моей «кровати», застеленные старым бабушкиным зимним пальто и тоненьким одеялом, казались мне мягкой периной, о которой я знал из сказок. Уже почти засыпая при свете керосиновой лампы, я наблюдал, как бабушка, сняв с полочки бутылку с какой-то синеватой жидкостью и сев на свой сундук, долго растирала ею свои натруженные руки и покрытые узловатыми жилами ноги и колени. Руки и ноги у неё болели. Эта процедура приносила ей временное облегчение, позволяющее заснуть.

На бумажной этикетке бутылки были изображены страшные череп и две косточки, как на жестяной табличке электрического столба рядом с нашим домом. Я уже знал буквы и смог прочесть надпись ниже черепа: «Денатурат ЯД пить нельзя!». На мой недоуменный вопрос бабушка объяснила мне, что денатурат — это такой СПИРТ. Он вредный и ядовитый, если его попробовать пить. Но для натирания рук и ног пригодный.

Он даже полезный, так как на нём настояны разные полезные травы. Они облегчают боль и лечат от ревматизма суставов.

Сам по себе СПИРТ не очень вредный, только противный и жгучий на вкус. Но его даже пьют, как лекарство, особенно если в нём растворено что-то полезное. Она снимала с той же полочки другую бутылочку, поменьше. В ней жидкость была прозрачная, желтоватого цвета. Я уже знал её. В этой бутылочке в жидкости плавал длинный корешок какого-то растения, напоминающий по виду худенькую человеческую фигурку с ножками и без головы. Бабушка называла этот корешок непонятным и необычным для моего уха словом *женьшень*. «Это тоже СПИРТ, — поясняла она, — но он полезный и даже лечит почти от всего, так как на нём настоян целебный, почти волшебный китайский корешок. В природе он очень редок, но в дальневосточной приморской тайге его успешно собирают знающие люди и продают китайцам. Те, в свою очередь, делают из него чудодейственное лекарство и продают по всему миру»

Изредка, когда кому-нибудь из нас нездоровилось, бабушка капала несколько капель из этой бутылочки в стакан, а потом разбавляла водой и давала выпить больному. Обычно это помогало, причём и от простуды, и от сильной усталости, короче «от всего!».

Так что СПИРТ я знал прежде всего как лекарство и относился до поры до времени к нему именно так.

Много позднее, уже став постарше, я узнал об этой жидкости много нового и совсем другого. Повзрослев, я понял, что в нашей стране эта жидкость и всё, что с нею связано, имеет особое, почти мистическое значение и смысл.

Будучи уже школьником, я как-то раз пошел с отцом на рынок.

Рынки в ту послевоенную пору представляли собой весьма живописную и интересную с познавательной и практической стороны картину. Мы долго бродили в суматошной многоголосой толпе. Разглядывали разложенные на примитивных импровизированных прилавках, а больше прямо на земле, на газетках, предметы. Обилие и разнообразие представленных здесь на продажу предметов поражало воображение. Здесь было буквально всё: от кучки ржавых гнутых гвоздей до шикарных вещей, привезённых воинами-освободителями в качестве трофеев из побеждённой Европы. Покупатель находился и для ржавой отвёртки, и для мейсенской фарфоровой тарелки от сервиза. Бродили мы, бродили, ища иголки для патефона (они тогда были страшным дефицитом, наравне с кремнями для зажигалок) и приценивались к разным полезным в быту мелочам. И вдруг около прилавка-газетки пожилого инвалида без одной ноги я замер как вкопанный. Меня охватил трепет. Инвалид, которому трудно было стоять, как стояли многие остальные продавцы, сидел на старом деревянном тарном ящике, отставив в сторону прямой негнувшийся протез. Он торговал старыми шарикоподшипниками, очень полезной вещью, так как, имея два таких подшипника, можно было сделать из досок самокат. Такой я видел у одного из пацанов с нашей улицы. Я даже пару раз, в очередь с другими знакомыми мальчишками, катался

на нём, делая кружок по твёрдому, как камень, школьному двору. Я очень хотел иметь свой собственный самокат и кататься на нём когда захочу. Но инвалид запросил несусветную цену. Отец только крикнул от возмущения. Весь суровый вид продавца и его решительно названная цена не предусматривали возможного в таких местах торга. Видя наше сомнение и решив, что мы раздумываем, инвалид не спеша развязал свой заплочный мешок, лежавший около его ящика, и извлёк из него бутылку с синеватой жидкостью. Бутылка была в точности такая же, как на полке у бабушки Евдокии. И даже этикетка на ней была чуть новее, но по содержанию та же — череп с костями и «ЯД пить нельзя!». Но то, что он проделал в следующий момент на наших глазах, повергло меня в шок. Вынув из горлышка самодельную деревянную пробку, инвалид-продавец поднёс бутылочное горлышко к своим губам, охватил ими и, запрокинув голову, начал пить. Синяя жидкость, этот «ДЕНАТУРАТ», эта пакость, которую пить нельзя, булькая, перетекала из бутылки в горло инвалида. Кадык мужчины двигался вверх и вниз, рука подрагивала, а между его грязными пальцами мне улыбался череп — символ смерти!!!

Я закаменел, глаза мои сделались, наверное, квадратными. Вот сейчас на моих глазах несчастный инвалид войны рухнет как подкошенный мёртвым, и мы с отцом будем виноваты в его смерти, поскольку не купили у него товар по запрошенной цене!!!

Видя мою реакцию на свои действия, инвалид прервал своё страшное занятие и, истрактвав ситуацию по-своему, спросил не изменившимся хриплым голосом: «Ну что? Берёте? Нет? Так и ступайте дальше! Ищите, кто продаст вам такой хороший товар дешевле!» Судя по решительному голосу, он совершенно не собирался умирать на наших глазах и вообще не собирался делать это. Покопавшись в мешке, он достал кусок хлеба с прилипшими к нему крошками табака и вялый огурец. Понюхав хлеб, он смачно надкусил огурец и подмигнул лукаво моему отцу мутным уже, но повеселевшим глазом. Отец, не сразу поняв моё состояние, потянул меня за руку дальше. Он решил, что мне очень хочется купить эти дорожные подшипники и потому я упираюсь, уходя от «прилавка» инвалида. А мне было до жути интересно, что с ним будет дальше. Ведь ЯД! И пить его уж точно нельзя! Как говорила мне бабушка. На моих глазах произошло чудо!

В полной растерянности я шел домой, не понимая, почему отец отнёсся к этому событию так нейтрально. Позднее, когда я окончательно пришел в себя, я задал этот вопрос отцу. Его реакция была для меня совершенно неожиданной. Он весело рассмеялся: «Ах! Вот оно что! Ты подумал, что этот человек решил отравиться? Не беспокойся, сын. Эти люди, прошедшие войну, весь этот ад и оставшиеся в живых, от такого не умирают. А «дена-турат» — это такой спирт, только подкрашенный краской, чтобы не перепутать с другими жидкостями. Он хоть и вредный, как любой спирт, но не смертельный, если не пить его много. Череп с костями — это для неграмотных и детей, чтобы отпугнуть. У нас в стране немало людей, которые пьют всякую гадость ещё и похуже. И травятся и умирают, но всё равно пьют. Что поделать. Перевоспитать их очень трудно. Даже, может быть, невоз-

можно. Они больные и их лечить бы надо, да они и сами не хотят. Жизнь — такая сложная штука, не всегда поймешь, что правильно, а что нет. Одно тебе скажу. Никогда не пробуй даже эту дрянь. Я знаю столько хороших людей, которые погибли, попробовав, а потом были не в силах отказаться». Он замолчал и остаток дороги прошел погруженный в свои думы. Наверное, вспоминал своих рано умерших от спирта друзей и знакомых. Я не беспокоил его, мне, ещё младшему школьнику, тоже было о чём подумать, поразмышлять.

Наставления отца по этому конкретному случаю и этой животрепещущей теме я помню по сей день.

Продолжение следует

Вторая половина XVIII века. Фрагмент гравюры на меди
 "Аз есмь хмель высокая голова более всех плодов земных"